

БУДЬ ТОНКОЙ НИТОЧКОЙ

ПРОЛЕТЕЛО ЛЕТО

Ещё в духмяных травах бродят соки,
и воробьи галдят на солнцепёке,
но в зарослях кипрея и вербены
уже необратимы перемены.
Кончается малиновое лето,
стригут стрижи, и ты, увидев это,
произнесёшь, пока ещё несмело:
Как незаметно лето пролетело.

А дальше дни замедлятся, и осень
войдёт в права, деревья листья сбросят.
И будут ветры завывать, подобно
бродячим псам, и дождь стучать подробно.
И ты свою печаль уже не скроешь.
Ты свет зажжёшь, окно плотней закроешь
и скажешь тихо, как бы между делом:
Как незаметно лето пролетело.

А там, глядишь, пройдёт ещё неделя –
другая, и завьюжатся метели.
И воцарит зима над миром целым.
И станет целый мир от снега белым.
И в довершение этим новым бедам,
душа замрёт, и ты, укравшись пледом,
задумчиво вздохнёшь: Когда успело?
Как незаметно лето пролетело.

МОЯ ЛЮБОВЬ К ТЕБЕ

Время стирает из памяти
звук наших шагов на безлюдной улице,
слегка припорошённой первым снегом;
пахнувшие солнцем, тяжёлые кисти тёмно-лиловой сирени;
летний ливень,
настигший нас где-то в районе «Пушкинской» или «Динамо»;
прогулки вдвоём по спящей осенней Москве,
поцелуи у ночного подъезда –
множество дней, хранящих где-то на самом дне
твой голос,
твой смех,
твои черты.
Если ты сейчас пройдёшь мимо,
я не узнаю тебя,
не окликну.

И уже давно не имеет значения кем ты была:
школьницей, сидящей за соседней партой,
дочкой академика, члена-корреспондента Академии Наук СССР,
внучкой беженцев из Варшавского гетто,
а может правнучкой знаменитого художника-пейзажиста
или композитора;
всё равно, кто ты по национальности:
русская, украинка, еврейка, армянка;
откуда ты – с Земли или Марса;
реальна или придумана мной.

Оборачиваюсь назад и вижу, как всё, что остаётся за спиной,
превращается в пепел и дым,
осыпается на глазах,
рассыпается в пыль,
становится хрупким и зыбким.
Всё меняется в этом мире:
границы стран, окружающий ландшафт, улицы городов, лица друзей,
твоё имя.

Только одно остаётся неизменным –
моя
любовь
к тебе.

ТЫ РЯДОМ

Немеют пальцы рук на холоде.
От слякоти бросает в дрожь.
Ты где-то рядом в этом городе
смеёшься, хмуришься – живёшь.

Глядишь, как дождь косыми струями
стекает вниз с покатых крыш.
Под изморосью, как под пулями,
под стареньким зонтом стоишь.

Вдыхаешь грудью воздух масляный
гниеньем тронутых аллей.
И день дождливый, серый, пасмурный
чуть-чуть становится светлей.

А может в кофточке залатанной,
укрывшись будто пледом, мглой,
в глубоком кресле, поздно за полночь,
сидишь с напёрстком и иглой.

А я, пусть тучи в небе грядутся,
слепой покорствуя судьбе,
шагаю по безлюдным улицам,
стихи слагая о тебе.

ПРОВОДНИК

За зыбкой тенью вслед,
за спутником ночным,
по краю неба – нет –
по узким мостовым,

в предел иных миров,
в дремотный полумрак,
на звук твоих шагов
идти за шагом шаг.

Пусть город крепко спит,
густеет ночь, увы –
веди меня, мой гид,
по улочкам Москвы.

По закоулкам лет,
приметам той поры.
На окон жёлтый свет,
сквозь старые дворы.

Пусть длится этот миг,
грядущее края.
Мой друг. Мой проводник.
Моя сестра. Моя...

СОН ВО СНЕ

Я спал во сне
и в этом сне мне снилось:
я сплю во сне
и вижу сон во сне.
И был тот сон
дарован мне как милость,
как откровение,
ниспосланное мне.

Во сне я шёл куда-то
шаг за шагом,
блуждал впотьмах,
и возвращался вспять.
А был тот сон
проклятием иль благом,
я там, во сне,
так и не смог понять.

Мне снился сон,
как суетно и куце,
и как-то бестолково,
на бегу
проходит жизнь,
и хочется проснуться,
но я никак
проснуться не могу.

Явь обернулась сном
и круг замкнулся.
Едва глаза закрою,
как опять
мне снится сон,
в котором я проснулся,
но в том, другом,
я продолжаю спать.

СНЕГ

1.

Расходился снегопад.
Всю неделю без запинки
с неба падали снежинки
невзначай и невпопад.

Вдаль летели, к нам за ворот
забирались – каково? –
превращая этот город
в чудо, сказку, волшебство.

Ровно восемь дней подряд
ветер дул, в каком-то роде
для рождаемых мелодий
подбирая звукоряд.

2.

Белый снег – как белый стих,
что без рифмы и размера
покружился для примера,
покуражился и стих.

Порезвился и у ног,
добродушный и лохматый,
вытянув покорно лапы,
смирно, как собака, лёг.

И лежит пушист и бел.
Вот какая заморочка.
Пишется за строчкой строчка.
Точка с запятой, пробел.

ЖАННЕ

«Ука-дудулька», «ука-одичка» –
первые в жизни слова.
Неторопливо ползёт электричка
детства, плетётся едва.

Дальше быстрее. И строчка за строчкой
пишутся новые дни.
Вот и на чуточку выросла дочка.
Спи, дорогая, усни.

Едем по кочкам, жмурки и прятки –
полон забав арсенал.
Не беспокойся. Всё в полном порядке.
Папа ещё не устал.

МАМА

К маме приходят гости из прошлого:
давние, близкие, дальние – разные.
Спорят, кривляются, корчат рожи,
песни поют, ухмыляются, дразнятся.

Мама не гонит гостей, ей весело.
Ей по душе их нестройное пение.
У мамы в груди вместо сердца месиво
из боли, тревоги, любви и терпения.

В чём держится эта душа ледащая?
У мамы внутри вместо сердца крошево.
Мама устала от настоящего.
Просит гостей: заберите в прошлое!

В прошлом по узкой тропинке вьющейся
лёгкие годы под гору катятся.
Там она видит себя смеющейся
маленькой девочкой в синем платьице.

Там ярким солнцем трава распечена.
На паутинке паук качается.
Бойкий, невидимый глазу кузнечик
стрекочет в траве. И жизнь не кончается.

91-Й

Я помню: год почти был на исходе,
а перемены зримы и близки.
Под мантры о бесправье и свободе
мы свою землю рвали на куски.

Вставала ночь и сон тяжёлый длился.
Синюшный, измождённый, испитой,
в тягучей тьме печальный дух носился
над проданной, оплёванной страной.

Она сжималась, как шагреновая кожа,
кукожилась, секлась, и вместе с ней,
как оказалось, мы сжимались тоже
до среднестатистических нулей.

До ренегатов с памятью короткой.
До полной пустоты, до чёрных дыр
коммерческих ларьков с палёной водкой
в прорехах улиц, превращённых в тир.

До пантрапы известного фасона.
До формулы «такие времена».
До шлягеров попсовых и шансона,
звучащего из каждого окна.

До ветеранов, харкающих кровью,
внезапно оказавшихся на дне.
До девочек, торгующих любовью.
До мальчиков, погибших на войне.

ДОМ

Обеззвучен, обесточен,
заколочен навсегда.
Дней хороших и не очень
промелькнула череда.
Эти старенькие стены
помнят лучшие года:
перестройки, перемены,
слёзы, смех, любовь, измены –
мир, наполненный теплом;
звон сдвигаемой посуды
за обеденным столом,
разговоры, пересуды
и об этом, и о том.

Солнце сушит, точит влага,
изменяя внешний вид.
Он, запасливый, как скряга,
до сих пор в себе хранит
вороха вещей забытых,
перевёрнутых вверх дном.
Дом заброшенный, забитый,
предназначенный на слом.

НИТОЧКА

Будь тонкой ниточкой, последней из примет,
связующей границы и пространства,
среди смешного мельтешения лет
собой обозначая постоянство.
Привычки? Памяти? Любви? И да и нет.
Всего, чего бессмертный дух касался.

Следи за тем, чтоб этот слабый след
не стёрся, не забылся, не прервался.